Рассказ скачан на сайте http://eromo.org
Название: Леха Дрищ и похотливые пенсионерки

Ну, здрасте! Меня зовут Леха, а прозвище мое, как вы уже, наверное, догадались, Дрищ. Вот все пишут «я симпатичный парень с 20-сантиметровым хуем» или «я миленькая блондинка с аппетитной попкой», а мне ничего такого даже сочинять не надо — Дрищ он и есть Дрищ. Меня и в армию брать не хотели — сказали на кой ты нам такой полудохлик нужен, но батя позвонил кому следует (он у меня бывший военный, мозги набекрень) и на следующий день я уже ехал с другими пацанами мотать свой срок.

По мнению бати, армия должна была сделать из меня мужика, но после первой же пробежки под проливным дождем я оказался в нашей медсанчасти. Там я сделал ряд приятных открытий: в-первых пока ты болеешь никто тебя не достает, во-вторых у Наденьки, медсестры, сиськи хоть и ненамного больше чем у нашего прапора, но все таки женские. За 2 года службы я даже полюбил свое дрищевое тело, раз за разом приводившее меня в это чудное место.

Когда я вернулся из армии, мать уже выгнала батю из дома и никто больше не капал мне на мозги про говеное будущее и долг перед родиной. Иди куда-то учиться было дохлым номером — мозг мой закостенел, школьная программа позабылась, да и как-то не хотелось снова садить себя за учебники. А работу найти — так еще сложнее, постоянно требовались разве что грузчики, но куда моим хилым мускулам было разгружать вагоны и таскать мебель.

Мать меня жалела и не шпыняла, ну разве что по хозяйству просила помочь — в магазин, там сходить, или полы помыть. А мне что — мне не трудно. Бывало и соседке нашей, Фаине Георгиевне с сумками помогал, в аптеку за каплями ей бегал. С нее — то у меня все и началось. А уж потом как снежный ком повалило... Рассказать кому — стыдно, как у баб такое называется знаю, а у мужиков — нет. И Альфонсом меня назвать нельзя (денег с них так себе, мелочевка), и Казановой тоже — сплю и вижу только, как этот срам прекратить. Да вы посудите сами...

... В понедельник с утра звонит Антонина Павловна из 38-й. Говорит: «Помоги, Лешенька, кран на кухне не работает». Ну что делать — оделся, пошел к ней. Звоню в дверь — открывает мне и вижу сразу что на ней тот самый халат в василечках. Халат этот — одно название, а не халат, а уж тем более на ее телесах непомерных. На баулах ее спереди еле сходится, того и гляди, пуговицы деру дадут. Я б тоже дал, но боюсь ее, она ж одной ручищей своей мне хребет перешибет. А ляжки ее слоновьи? Я такие только на картине видел, там где голые бабы заплывшие жиром в море купаются. Рубенс что-ли. Вот этому Рубенсу Антонина Павловна бы по вкусу пришлась, это точно.

Стараюсь не смотреть на все это великолепие, прохожу на кухню, открываю кран — вода течет. И тут же чувствую, как две грабли ее мне на задницу ложатся и сжимают ее как экспандер. Стою не двигаюсь, понимаю, что дальше еще хуже будет — и правда, одна рука ее в мои брюки лезет и начинает там шабуршать, а сама она уткнулась мне в шею и пыхтит как паровоз. Поворачиваюсь, пытаюсь вывернуться, но поздно — этот плотоядный мамонт своего теперь не упустит. Зажимает меня как тростинку и начинает лобызать. Было бы у меня хоть раз в жизни с телкой нормальной — никогда бы на эту махину не встал, но херу моему на безрыбье и тюлень рыба. А ей только этого и надо — как увидела мой тарчун, так и тащит сразу меня на свое лежбище, бросает на спину, а сама сверху падает и топит меня в своей

жировятне. Куда не глянь — везде она, так ребра сдавила, что дышу еле-еле, и свободно себя чувствует разве что мой елдак в ее щели.

Глаза закрываю и пытаюсь себе представить, что я в санчасти и на мне сейчас скачет Наденька. А тяжелая она такая, потому что в руках у нее пулемет. Сисечки ее скачут в такт движениям, а с губ то и дело срывается стон... нет, ну не может Наденька так стонать. Так стонать может только животина с хоботом. Ну точно, Антонина Павловна — мамонтиха. Открываю глаза. Перед лицом моим скачут дыни. Кладу на них руки, чтоб не мельтешили так. Дыни на удивление теплые и мягкие, и если воспринимать их отдельно от остальной тети Тони, то вполне себе ничего. И тут меня накрывает, ну как там обычно пишут, «волна блаженства». Заливаю, в общем Антонину Павловну своей малофьей, а она, кажись, и довольна. Может тоже свое получила, а может и просто рада, что чавкалку свою проветрила. «Спасибо, говорит, Алексей, что выручил, вот тебе 200 руб. Да бери, бери, не стесняйся, сантехник бы с меня в два раза больше взял».

... По вторникам, как завелось, я помогаю Александре Евгеньевне из 57-й. Александра Евгеньевна — человек искусства, так мать говорит. Работает она в музыкалке через дорогу от нашего дома, растит там новых Рахманиновых и Бетховиновых. С виду такая сухенькая, губы всегда поджаты, зато осанка прям царская. И одета все время как будто в театр идет, на каждом пальце по перстню, прическа высокая.

Меня никогда сразу не приходовала — сначала зарядит лекцию часа на полтора про картины какие-нибудь или музыку эту свою, потом еще мораль прочтет о том, что мне надо духовно расти, а ее долг росту этому поспособствовать. То, что Александра Евгеньевна педагог со стажем заметно сразу, и мной она командует как своими учениками. «Штаны снимай, иди в ванную, мыло бери, теперь смывай, на кровать ложись». Дальше мне положено смотреть на то, как она раздевается и возбуждаться по этому поводу. Стриптизерша из нее прямо скажем херовая. Вот она расстегивает молнию на платье и медленно стягивает его через голову. Я вижу сначала ее допотопные чулки с поясом, черные труселя, болтающиеся между худых ляжек, такой же лифчик, в котором валяются ее отвисшие сиськи, морщинистую шею и, наконец, снова ее нарумяненное лицо.

Дальше она ложиться рядом со мной и томно произносит «Возьми меня» — это значит, что мне полагается снять с нее оставшееся и трахнуть. Мозг мой говорит о том, что если и взять ее, то только для того, чтобы выкинуть в окно, но хуй, видать привыкший «есть что дают» уже тыкается в ее сморщенное хозяйство. Только вступив в отношения с Александрой Евгеньевной, я понял что фразу «у каждой женщины есть своя изюминка» можно понимать и буквально. Пизда Александры Евгеньевны как раз больше всего эту изюминку и напоминала — темную и сморщенную. Добавь туда вазелинчику — может и ничего было бы, внутри-то она была узкая, как горлышко бутылки. Видать в молодости не шибко кому давала или все ждала такого дрища как я, да дождалась поздно. Еложу на ней неспешно, снова грежу о Наденьке, благо комплекция как раз подходящая. Александра Евгеньева поохивает, свои перстнями у меня по спине водит, а в какой-то момент забывает, видимо, о том, что она человек искусства и совсем не культурно просит меня ебать ее посильнее. Я слушаюсь и она, наконец, готова. Интерес ее в моем духовном развитии тот час же пропадает, она вручает мне список продуктов и я плетусь в магазин, запрятав торчащий елдак подальше в трусы...

... Фаина Георгиевна, выделялась среди прочего соседско-блядского общества своей еще не обрюзгшей женственностью и любовью к сексуальным экспериментам, одним из которых я и

являлся.
Помню, мы сидели с ней на кухне пили чай и тут кладет она свою руку мне на коленку и давай наглаживать, а сама говорит, какой я хороший мальчик, как ей помогаю. А потом как-то незаметно тему перевела — стала выяснять, были ли у меня девушки и как молодежь сейчас ЭТИМ занимается. Я застеснялся, покраснел как рак, но решил сказать правду — что ни одной телке такой дрищ как я не интересен. А она покачала головой и говорит: «а вот я одну женщину знаю, которой ты очень нравишься», а дальше начала такое творить, что я остолбенел прямо. Встала на колени, ноги мне развела, ширинку на джинсах расстегнула и вынула мое достоинство на свет божий. Он от испуга скукожился весь, я глаза закрыл, чтоб не видеть только, как она меня сейчас на смех поднимет, а она вместо этого взяла его аккуратненько в кольцо своими пальцами, а головку в рот отправила. Как почувствовал ее шершавый язык на своем конце — так чуть сразу не кончил, но она хитра была, видать знала как с мужиками обращаться,сжала мой хер у основания, так что кончать расхотелось и стала меня дальше пытать.
Рукой по стволу водит, головку посасывает, на животе горячее ее дыхание чувствую. А у меня все тело судорогой сводит, руками в стул вцепился, коленями ее голову сжал, вот-вот взорвусь. А она, гадина, только сильнее сжимать начинает, видать хочет меня до смерти замучить. Тут я как последняя поблядушка стонать начал, да что стонать — выть как волчара на луну. Соображалка вся в хер переместилась, чуть стул не сломал — он уже скрипеть подо мной начал, да тут меня и накрыло. От бессилия на пол съехал, не знаю, сколько валялся там не в себе, но как глаза открыл — так сразу над собой ее лицо увидел, все в белых каплях. Смотрю на нее и думаю: «Что ж теперь делать-то? Это ж я мамину подругу в рот выебал. Надо хоть сказать что-то» — но она все за меня сказала.
— Хорошо я тебе сделала? А теперь твоя очередь, — и с таким слова она, значит, юбку свою задирает и вижу я, что трусов-то на ней и нету. И тут она совсем неожиданное вытворяет — садится своей пилоткой мне на лицо, так что волоса ее мне в нос попадают и в носу от этого щекотно становится.
Вспоминаю, что друган мой, Жека, мне про такое рассказывал. Что девчонки от этого тащатся. Выходит, что не только девчонки — вот Фаине Георгиевне уже не терпится, елозит по моей бороде туда-сюда. Достаю язык, как Жека учил, и куда-то его вглубь направляю. На вкус — волосато и солено, но жить можно. Начинаю языком шевелить — как будто из блюдца лакаю. Фаина Георгиевна сама под мой язык подстраивается, то подымется чуть-чуть, то, наоборот, сильнее прижмется. А рукой себе под платье залезла и давай титьки мять. Язык мой уже онемел, а вот я вроде и во вкус вошел. Решил полапать ее как следует — раз уж такое перепало. Стал руками по бедрам водить, жопу ее помял, а потом и за титьки принялся, только успел подумать, какие у нее соски здоровенные и ухватить за них как следует, так она как запрыгает на мне, как заохает и сморкнется мне на лицо чем-то мокрым оттуда. У меня от такого стояк снова — а она и рада. Ложиться прям тут же на полу и меня на себя взваливает.
Не дурак, понимаю, что она хочет, пытаюсь на ощупь ей вставить, да никак в дырку не попаду. Тут она все в свои руки берет — и в прямом и в переносном смысле. Заходит елдак мой еле-еле, будто тетя Фаина до встречи со мной целкой была, а на выходе так вообще сжимает его крепенько. Вот значит, какая она, пизда женская. «Хорошо у вас в пизде, Фаина Георгиевна, и не скажешь, что вам 50 уже» — комплимент ей делаю. А она смотри на меня и улыбается так хитренько. «Ох, Лешенька, учиться тебе еще и учиться, пизда у меня на два

пальце выше». Посмотрел я вниз и чуть меня не вывернуло — оказалось хер мой в ее сральной дырке наяривает. Как дошло до него, куда он попал, так он и сдулся разом и еще меньше размером стал, чем когда впервые на кухне Фаины Георгиевны оказался. Побежал домой, сразу в ванную, тер его так усердно, как портянки в армии, а перед глазами все стоит и стоит тетьфаинова мезжопная расщелина. Только на следующий день меня отпустило...

... Зоя Петровна из 64-й в гости меня никогда не звала и на молодость мою покушаться не планировала, однако и ее мне пришлось попехорить. А все потому, что муж ее, Анастас Петрович, редкостным козлом был. Пили мы как-то с Жекой пиво у нас в подъезде и смотрим — идет петух этот, важный такой, с кожаным чемоданом. Ну мы поздоровались вежливо, все дела. А он, говнюк, участкового вызвал, сказал, что в подъезде у него два алкаша-наркомана каждый вечер притон устраивают. Так и замели нас. Отпустили, конечно, почти сражу же, как мамаша моя прибежала, но зло на Анастаса Петровича я с тех пор затаил. Был бы я помясистей — набил бы ему морду, но коли не дал бог мускулов, зато дал елдак, всех пенсионерок прельщающий, решил я его унизить, путем наставления супружеских рогов. Дождался момента, когда Зоя Петровна домой шла с сумками, вынырнул из подъезда и хвать их:

— Давайте донести помогу! — говорю.

Поднялись по лестнице, дошли до ее квартиры, она сумки взяла, дверь открывает, а я топчусь у нее на коврике, не ухожу. Неудобно ей стало, говорит:

— Я борщок вчера такой вкусный сварила, а Анастасу Петровичу врач бульон жирный запретил, может зайдешь, пообедаешь со мной?

А мне только того и надо было — анастасов бульон похамячить, да жену его отодрать.

Сижу у нее на кухне — ничего так, миленькая кухонька — а она половником машет, на стол подает. Начинаю речь заготовленную:

— Зоя Петровна, я признаться вам должен в одной вещи нехорошей.

— Что такое, Лешенька?

— Зоя Петровна, даже не знаю как сказать, боюсь ругать будете и погоните.

— Да ты что, говори, я все выслушаю, может помогу чем.

— Зоя Петровна, понимаете, я влюбился. Жить без любимой не могу — вот хоть прям сейчас в пропасть прыгай.

— Ну, Лешенька, ты молодой, чувства играют. Только не пойму, почему ты сказал, что ругаться буду?

— Потому что я вас, Зоя Петровна люблю. До гроба.

— Да как же так, я же тебе в матери гожусь? — у нее глаза от удивления аж на лоб полезли, про половник забыла, смотрит на меня не моргая.

— А вот так Зоя Петровна. Люблю вас и все. А если вы не будете моей, я сейчас пойду и утоплюсь.

Зоя Петровна дар речи потеряла, а я продолжаю напирать — вскакиваю со стула, подбегаю к ней, заключаю в свои объятия и присасываюсь к ее рту. Тут она меня, конечно, пнула — но глаза у нее заблестели, это я точно видел. В общем, выгнала она меня, я сначала плюнуть хотел, но как рожу ее мужа вспомнил, так решил до конца идти. Осаждал я ее долго — недели три, даже на цветы пришлось разориться, и когда уже всякую надежду потерял, Зоя Петровна изволила сдаться. Ну а к дуплу ее доступ получить — это уже дело техники было.

Зоя Павловна женщина была не испорченная и вниманием Анастаса Петровича на

обласканная, потому в самый главный момент она просто легла на кровать и раскинула ноги в стороны, намекая как бы, что оставшееся все за мной. И вот смотрю на распростертое на ситцевых простынях тело и понимаю — ни в какую у меня сам не встанет. А медлить ж тоже нельзя — вдруг она передумает или муж ее раньше вернется. Начинаю я потихоньку надрачивать, а чтобы время занять, вторую свою клешню к ней в дыру засовываю. На лице у нее удивление — видать Анастас Петрович ничем туда кроме хуя не залазил. Тут решил я Зою Павловну еще больше удивить — да и присосался к ее низу. (Порно рассказы для всех) И давай нализовать ее воздепиздье, даже дрочить перестал на время. Ну и рукой у нее в манде копашусь, ничего вокруг не замечаю, даже как дверь входная хлопнула.

Вот таком в положении и застал меня Анастас Петрович — с голой жопой и уткнутого в его женушку. Что тут было — страшно вспомнить, думал, что прибьет меня тут же на месте. А он одной рукой меня от Зои Павловны оторвал, на кровать на живот бросил, вытащил ремень из брюк и давай по голой жопе лупить. Я заорал как резанный, и дал деру от него, да пока до входной двери добрался и замок открыл он меня раз двадцать еще успел отхлестать — и по жопе, и по ляжкам и даже по мудям разок попало. Как вырвался от них — так и бегом на свой этаж, про штаны вспомнил только когда за собой дверь захлопнул и горящими ягодицами к холодной обивке прижался. Больше я к Зои Павловне не ходил и новых планов мести Анастасу Петровичу не придумывал. Но и он со своей стороны ко мне претензий не высказывал — видать от его рогов браку ихнему только польза была...

Много у меня еще разных приключений было — да все не рассказать. Вот выйду на пенсию — буду мемуары писать, а если повезет — может и ко мне молодая «помощница» ходить будет.